

II.

XV и XVI столѣтія ознаменованы, какъ извѣстно, всеобщимъ движеніемъ въ области мысли, великимъ умственнымъ переворотомъ. Литературная дѣятельность, задержанная въ средніе вѣка, пробудилась теперь въ западной Европѣ съ необыкновенною силой; періодъ спокойной вѣры и преданія прошелъ, народы почувствовали жажду науки; духъ изслѣдованія затронулъ всѣ близкіе практическіе вопросы жизни и разрушилъ прежнія понятія; между представителями стараго и молодаго поколѣнія произошелъ раздоръ. Общее вниманіе было устремлено тогда преимущественно на религію; ея интересы были главными интересами человѣчества; отъ нея собственно зависѣло рѣшеніе политическихъ задачъ христіанскаго міра, а потому здѣсь прежде всего открылось состязаніе. Множество писателей выступили съ новыми взглядами на церковь и государство; защитники средневѣковаго порядка также подняли знамя, и между обѣими сторонами завязалась борьба, сначала ожесточенная и бурная, потомъ болѣе серьезная и спокойная; постепенно коснулась она самыхъ

основаній церковнаго и гражданскаго устройства, и приняла научный характеръ. Изъ всѣхъ вопросовъ, которые волновали въ то время общественное мнѣніе, капитальныхъ было два: о *свободѣ совѣсти* и *объ отношеніяхъ верховной власти къ подданнымъ*, или о свободѣ политической; они имѣли между собою такую близкую связь, что когда былъ разрѣшенъ первый, ученые обратились естественно ко второму, и споръ, бывший прежде богословскимъ, сдѣлался чисто-свѣтскимъ, гражданскимъ. Почти у всѣхъ народовъ появились систематическія, болѣе или менѣе обширныя сочиненія о государствѣ, не говоря о безчисленныхъ памфлетахъ и монографіяхъ.

Итакъ, эпоха возрожденія и реформаціи имѣетъ для насъ особенный интересъ; она открываетъ новый, блистательный періодъ разработки политическихъ идей въ Европѣ. Это — періодъ созданія государственныхъ наукъ: съ XV вѣка онѣ болѣе и болѣе отдѣляются отъ богословскихъ, приводятся къ извѣстнымъ началамъ, дробятся на части, и къ половинѣ XVII столѣтія становятся самобытными, независимыми. Не будемъ распространяться о причинахъ умственного прогресса, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: онѣ извѣстны изъ исторіи. Замѣтимъ только, что главными его двигателями были: классическая литература, памятники которой были въ это время открыты и обнародованы, книгопечатаніе и реформація. Каждое изъ упомянутыхъ событій имѣло неоспоримое вліяніе на успѣхи знанія и общественной мысли. Какъ только греческіе и римскіе писатели стали вполнѣ доступны для публики, въ сужденіяхъ о политикѣ произошла видимая, рѣшительная перемѣна: народы поняли несостоятельность средневѣковыхъ идеаловъ, начали изучать жизнь правильно-устроенныхъ государствъ, нашли въ ней отвѣты на разные вопросы и примѣры для подражанія. Древняя наука сдѣлалась руководительницею новой, указала ей дорогу и разсѣяла обскурантизмъ; прежде нежели человѣческій умъ предпринялъ самостоятельныя изысканія, ему нужно было усвоить результаты, добытые трудами классическаго міра. Платонъ и Аристотель, какъ лучшіе представители античнаго воззрѣнія на государство, прежде всего обратили на себя общее вниманіе; ихъ доктрина сдѣлалась самымъ главнымъ предметомъ полемики между публицистами XV и XVI вѣка. Одни увлеклись величественными образами Платона; другіе стали

на сторону Аристотеля, который издавна пользовался непоколебимым авторитетом наставника. Таким образом поднялся споръ, который отозвался съ большею или меньшею силой въ цѣлой Европѣ, принялъ самые широкіе размѣры и пробудилъ повсюду политическій духъ. Искусство книгопечатанія и реформація ускорили движеніе: начиная отъ Италіи до Англіи, оно ознаменовалось почти одинаковыми явленіями въ литературѣ; у всѣхъ народовъ общественные вопросы выступили впередъ; любознательные и смѣлые умы обсуживали достоинства и недостатки разныхъ системъ управленія и, опираясь преимущественно на древнюю исторію и древнихъ писателей, предлагали улучшенія и преобразованія. Вліяніе классической философіи однакоже не препятствовало свободѣ взгляда и національному воззрѣнію: подражательность вызвала реакцію; оригинальныя идеи скоро пробились наружу и высказались сначала въ оппозиціи и критикѣ, а потомъ и въ положительной разработкѣ новыхъ началъ. Впрочемъ дѣло построенія науки требовало времени и благопріятныхъ условій и не вездѣ сопровождалось одинаковымъ успѣхомъ: борьба съ католицизмомъ надолго отвлекла и приковала къ себѣ вниманіе образованнаго міра, и южные народы ушли далѣе сѣверныхъ въ самостоятельныхъ и стройныхъ политическихъ изслѣдованіяхъ. Пока Германія, Франція, Англія и Голландія были заняты богословскими преніями, въ Италіи и Испаніи, куда цивилизація проникла ранѣе, публицисты уже подняли вопросъ о государственномъ устройствѣ и начертали основанія политики. Какъ ни слабы эти опыты сравнительно съ позднѣйшими, они даютъ южной Европѣ неоспоримое право на первенство знанія: въ XV и XVI столѣтіяхъ наука имѣла здѣсь замѣчательныхъ дѣятелей, и только въ XVII перешла на сѣверъ для дальнѣйшаго развитія.

При первомъ взглядѣ на писателей этого времени, не трудно замѣтить, что они рѣзко отличаются отъ своихъ предшественниковъ. Средневѣковая литература носить на себѣ, какъ мы видѣли, всемірно-христіанскій, космополитическій характеръ; на ней почти нѣтъ слѣдовъ народности и вліянія партій. Напротивъ, на сочиненіяхъ XV и XVI столѣтій лежитъ національный типъ: онъ обнаруживается не только въ языкѣ и внѣшней формѣ, но также въ идеяхъ, въ извѣстныхъ требованіяхъ и стремленіяхъ, которыя опредѣлились природою и историческимъ положеніемъ европейскихъ

племень. Далѣе, публицисты возрожденія и реформаціи являются сознательными органами политическихъ партій, которыя уже обозначились въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ и теперь, и раздѣлились на два враждебные лагеря — консерваторовъ и прогрессистовъ. Приверженцы первой изъ этихъ партій вообще были защитниками существующихъ интересовъ общества, считали все дѣйствительное справедливымъ, и ратовали противъ переменъ; послѣдователи же второй признавали развитіе основнымъ закономъ общества, и думали, что государство пріобрѣтаетъ болѣе гибкости и силы отъ непрерывнаго движенія впередъ. Между тѣмъ какъ консерваторы старались сдѣлать характеръ народовъ постояннымъ, твердымъ, непреклоннымъ, прогрессисты находили застой опаснымъ, брали подъ защиту новыя идеи и требовали реформъ. Понятно, что послѣдняя партія должна была встрѣтить особенное сочувствіе между политическими писателями. Къ сожалѣнію, она не имѣла въ себѣ такой цѣлости и единства, какъ первая, и представляла множество оттѣнковъ и независимыхъ мнѣній; изъ ея рядовъ скоро выдѣлились радикалы, люди, недовольные обыкновеннымъ ходомъ событій, неразборчивые на средства противъ общественнаго зла. Такое направленіе высказывается въ литературѣ еще съ XV, а болѣе съ XVI вѣка; оно развилось особенно вслѣдствіе реформаціи.

Разсматривая ближе характеръ публицистовъ этого періода, легко замѣтимъ, что всѣ они болѣе или менѣе сильны юридическими свѣдѣніями. Вообще законовѣдѣніе имѣло огромное вліяніе на развитіе политической мысли: чѣмъ успѣшнѣе народы разрабатывали науку права, тѣмъ скорѣе пробуждалась у нихъ потребность въ наукахъ государственныхъ. Обѣ отрасли знанія находятся въ самомъ близкомъ соотношеніи между собою: одна необходимо вызываетъ другую. Такъ въ Италіи, гдѣ процвѣтала знаменитая школа глоссаторовъ, въ Испаніи въ эпоху казуистической школы, во Франціи при Кюжасъ (Cujacius), въ Голландіи въ XVII вѣкѣ, появились самыя лучшія сочиненія о государствѣ. То же должно сказать объ Англіи, гдѣ основательное изученіе законовъ и учрежденій имѣло самыя благотѣльные послѣдствія для политическаго воспитанія націи.

Съ того же времени становится замѣтнымъ вліяніе историческихъ изслѣдованій на идеи и споры публицистовъ. Нѣтъ нужды

распространяться о томъ, что политическій писатель находитъ въ исторіи неисчерпаемые матеріалы и драгоцѣнные указанія; понятно, что отъ ней должна была одинаково выиграть отвлеченная и практическая часть науки правленія, такъ какъ она расширила сферу наблюденія, открыла движущія силы въ жизни народовъ, ихъ потребности, страсти и характеръ. Разумѣется, не всѣ публицисты умѣли хорошо пользоваться историческими данными и прилагать ихъ къ своей цѣли: они долго терялись и путались въ ложныхъ или несовершенныхъ аналогіяхъ, подводили подъ одинъ законъ разныя явленія, ссылались, какъ на общее доказательство, на частные случаи и отдѣльные примѣры, искали тождества и повторенія тамъ, гдѣ оно встрѣчается очень рѣдко. Такъ какъ фактамъ можно дать различное объясненіе, смотря по заданной напередъ мысли или придуманной системѣ, то не удивительно, что въ способахъ историческаго наведенія встрѣчается столько ошибокъ и ложныхъ или одностороннихъ взглядовъ. Прошло много времени, прежде нежели установилось безпристрастное и спокойное воззрѣніе на исторію; долго была она послушнымъ орудіемъ или простою игрушкой въ рукахъ теоретиковъ; но во всякомъ случаѣ ея изученіе далеко подвинуло науку о государствѣ. Главный недостатокъ средневѣковыхъ писателей состоитъ именно въ томъ, что они ограничивались одними отвлеченными изслѣдованіями и обращали вниманіе лишь на внутренняго человѣка; природа общества была отъ нихъ закрыта; ея нельзя было понять безъ исторіи. Только въ XV и XVI столѣтіяхъ начали объяснять политическія явленія изъ народнаго духа и мѣстныхъ условій, и пришли къ убѣжденію, что государственное устройство не зависитъ отъ случая или отъ произвола, но имѣетъ опору въ сознаніи, образѣ мыслей и характерѣ отдѣльныхъ племенъ. Замѣчательно, что лучшіе публицисты этого періода были вмѣстѣ съ тѣмъ и историками, напримѣръ Макиавелли, Маріана и Гуго де-Гротъ (Grotius).

Мы можемъ ограничиться пока этими немногими замѣчаніями и приступить къ обзорѣнню политической литературы въ отдѣльныхъ странахъ. Первенство въ разработкѣ науки принадлежитъ, какъ мы сказали, южной Европѣ, именно Италіи: она была колыбелью европейской цивилизаціи, исходнымъ пунктомъ умственнаго движенія христіанскихъ народовъ. Въ этой—то класси-

ческой странѣ произошелъ знаменитый споръ о греческой философіи, такъ какъ здѣсь прежде всего были обнародованы памятники древней литературы и уже отсюда распространились на западъ и сѣверъ. Республиканское устройство, въ которомъ такъ много сходнаго съ устройствомъ Греціи, характеръ, образъ жизни, привычки, — словомъ, все благопріятствовало развитію политическаго духа среди Италіянскаго народа: для него общественные вопросы имѣли практическій смыслъ, ученіе философовъ о государствѣ — живой интересъ. Борьба аристократіи и демократіи, тиранніи и свободы, иноземнаго владычества и національности, разразилась въ Италіи съ такою же силой и свирѣпствовала съ такимъ же упорствомъ, какъ въ древней Элладѣ; она должна была затронуть всѣ умственные и нравственные силы націи. Дѣйствительно, какъ только вновь открытыя рукописи греческихъ и римскихъ писателей сдѣлались извѣстными (1423), между учеными поднялись жаркія пренія о философскихъ и политическихъ идеяхъ Платона и Аристотеля. Племо (Gemistus Pletho), Фичино, кардиналъ Бассаріонъ и самъ Лоренцо Медичи явились защитниками перваго; Газа, Требизондъ, Аччаюли — приверженцами втораго. Въ послѣдствіи полемика перешла на современное состояніе Италіи и коснулась господствовавшего тогда порядка. Публицисты начали анализировать учрежденія, предлагать разныя мѣры въ пользу общественнаго прогресса и, видя анархію между республиками, увлеклись мыслию объ основаніи на полуостровѣ сильнаго государства, которое могло бы служить оплотомъ италіянской народности противъ внѣшнихъ враговъ. Эта патріотическая идея особенно занимала положительный умъ Макиавелли; на него можно смотрѣть, какъ на основателя новой науки — политики. Въ его сочиненіяхъ мы находимъ тѣ начала административной мудрости, которыми гордились Италіянцы, то искусство во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ правленія, въ которомъ они не имѣли себѣ соперниковъ. Возвышеніе и укрѣпленіе верховной власти является у Макиавелли цѣлью государства, для достиженія которой онъ разрѣшаетъ всѣ средства, лишь бы они были благоразумны, полезны и своевременны. Нравственные законы, права личности, спокойствіе и счастье подданныхъ — все приносить онъ въ жертву своей основной идеѣ. По видимому, для него безразлична и самая форма государственнаго

устройства, потому что въ «Разговорахъ объ исторіи Ливіа» онъ является республиканцемъ, а въ «Государѣ» (*il Principe*) — защитникомъ самаго беспощаднаго деспотизма. Вообще на немъ отражаются хорошія и дурныя стороны италіянскаго характера: остроуміе, ясность, проницательность, страстная любовь къ отечеству, врожденное эстетическое чувство, но при этомъ также — матеріализмъ, коварство и презрѣніе къ человѣчеству. Къ особеннымъ достоинствамъ Макиавелли должно отнести рѣдкое истройное сочетаніе способностей мыслителя и государственнаго мужа, замѣтное въ его политическихъ сочиненіяхъ. Знакомство съ рутиной, изученіе подробностей, повидимому, нисколько не ослабило его великаго ума: онъ столько же отличается широкимъ и сильнымъ взглядомъ въ общихъ началахъ, сколько въ отдѣльныхъ выводахъ и указаніяхъ. «У Макиавелли, какъ справедливо замѣчаетъ Маколей, нѣтъ ничего изысканнаго; онъ не гоняется за оригинальными идеями, чтобы облечь ихъ въ пышныя фразы; не любитъ софизмовъ, но говоритъ рѣзко, прямо, открыто;» логика его неумолима; онъ даетъ практическіе совѣты и произноситъ приговоры, не боясь за нихъ отвѣтственности. Въ «Государѣ» мы находимъ почти на каждой страницѣ сентенціи въ родѣ слѣдующихъ: «Иногда спрашиваютъ, что лучше — внушать любовь, или страхъ? По моему мнѣнію, надобно дѣйствовать на людей и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; но такъ какъ трудно достигнуть соединенія противоположныхъ чувствъ, и обыкновенно приходится выбирать одно изъ двухъ, то послѣднее, разумѣется, безопаснѣе. Люди вообще неблагодарны, робки, притворны, коварны и своекорыстны; пока вы имъ служите, они вамъ преданы, но въ тяжелое время отворотятся отъ васъ съ презрѣніемъ. Кто полагается на ихъ обѣщанія, тотъ готовится себѣ гибель.»

Мы не имѣемъ мѣста въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ для полнаго и систематическаго изложенія Макиавеллевыхъ началъ. Впрочемъ достаточно немногихъ замѣчаній и выписокъ, чтобы опредѣлить характеръ этого публициста: главная его сила состоитъ въ указаніи тѣхъ черныхъ сторонъ человѣческой природы, которыми правительство можетъ пользоваться для достиженія своихъ цѣлей; въ этомъ — то и состоитъ, по его понятіямъ, государственная мудрость. Отсюда не трудно объяснить причины его успѣха. Макиавелли долженъ былъ пріобрѣсти большой авторитетъ между

современниками: онъ одобрялъ самыя рѣзкія, отчаянныя мѣры противъ средневѣковой анархіи, и начерталъ систему внѣшней и внутренней политики, совершенно согласную съ духомъ эпохи, и потому сдѣлался руководителемъ всѣхъ тѣхъ, кому приходилось разрушать старыя учрежденія и создавать насильственной рукой новый порядокъ. Но съ другой стороны его ученіе должно было возбудить самую грозную оппозицію: построенное на исключительныхъ, одностороннихъ основаніяхъ, оно казалось возмутительнымъ для каждаго, кто вѣрилъ въ разумно-нравственные законы и въ благородныя свойства человѣческой души; противъ него возстали съ одинакимъ ожесточеніемъ богословы, философы и юристы во имя религіи, нравственности и права. Такимъ образомъ Макиавелли сдѣлался виновникомъ литературно-политическаго движенія, которое, начавшись въ Италіи, отозвалось потомъ въ другихъ странахъ и, можно сказать, до сихъ поръ еще не совсѣмъ прекратилось. Должно замѣтить однакоже, что въ своемъ отечествѣ онъ не имѣлъ ни особенно даровитыхъ учениковъ, которые бы удачно развили, ни такихъ враговъ, которые бы окончательно ниспровергли провозглашенныя имъ начала. Политика въ смыслѣ науки, какъ понималъ ее Макиавелли, послѣ него мало подвинулась впередъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, хотя и пріобрѣла огромное практическое значеніе во всей западной Европѣ. (1).

Съ большимъ успѣхомъ разрабатывали Италіянцы свое положительное государственное право, чему содѣйствовало учрежденіе въ Венеціи въ XVI столѣтіи особой академіи, задача которой состояла, между прочимъ, въ изученіи основныхъ законовъ главнѣйшихъ республикъ. Члены ея раздѣлили между собою этотъ обширный трудъ: Морозини, Сабеллико, Давантино и Контарини предприняли изысканія относительно Венеціи; Джанноти и Фоль-

(1) Ближайшими по времени послѣдователями Макиавелли въ Италіи были: Парута и Ботери; первый издалъ «Политическіе разговоры»; второй — дѣльную книгу «*Della ragione di stato*», въ которой старался примирить политику съ религіею; изъ враговъ его можно указать на Позіо, автора сочиненія «*De imperio virtutis*». Моль общается въ третьемъ томѣ своей «Исторіи» разобрать критически все, что до настоящаго времени было писано по поводу Макиавелли.

етта — относительно Флоренции и Генуи. Другіе писатели занимались сравненіемъ устройства разныхъ государствъ и выводомъ общихъ началъ, на которыхъ должна быть построена республика. Къ этой школѣ должно отнести: Сигони, Кавальканти, Эриццо, Сансовино и Денореса; всѣ они отличаются аналитическою методою. Вниманіе публицистовъ обратилось также на вопросы администраціи и государственнаго хозяйства, ибо около этого времени въ Италіи началась разработка отдѣльныхъ предметовъ общественной экономіи. Сюда принадлежатъ: Скаруффи, Даванцати и Антоніо Серра; они написали изслѣдованія о драгоцѣнныхъ металлахъ и монетной системѣ государства, проникнутыя меркантильными теоріями (1).

Впрочемъ италіянская литература сохраняла недолго серьезное, практическое направленіе. Нація мало-по-малу утратила вѣру въ учрежденія, потрясенная внутренними междоусобіями и внѣшними врагами; тираннія, олигархія и чужеземное владѣтельство сгладили первоначальный типъ средневѣковаго устройства и убили политическій смыслъ въ гражданахъ. Недовольство существующимъ порядкомъ замѣтно уже у Макиавелли; оно превратилось потомъ въ ожесточеніе и отчаяніе. Съ половины XVI вѣка публицисты увлеклись духомъ оппозиціи и утопіи. Аретино, Поджіо, Бокалини, Сквитиніо особенно отличаются мѣткостью сатиры и силою беспощадной насмѣшки: они вооружали общественное мнѣніе не только противъ сословій и правительствъ, но и противъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ отдѣльныхъ италіянскихъ государствахъ (2). До какой степени были разбиты всѣ политическія убѣжденія и вѣрованія въ Италіи къ началу XVII вѣка, доказываетъ Кампанелла: въ его сочиненіяхъ можно найти совершенно несогласимыя противорѣчія, фантастическіе образы, чудовищныя представленія о государствѣ. Онъ является защитникомъ самыхъ враждебныхъ началъ, разрушителемъ священнѣйшихъ законовъ челоуѣческаго союза, не признаетъ ни брака, ни собственности; его идеи о верховной власти очень напоминаютъ нынѣшнюю секту мормоновъ. Вообще такая чувственная утопія, какъ «civi-

(1) См. изслѣдованіе г. Вернадскаго объ италіянской политико-экономической литературѣ (М. 1849), стр. 13, 25—34.

(2) Blakey, II, 288—92.

tas solis», могла явиться только въ эпоху тиранніи, подъ вліяніемъ обскурантизма и грязнаго разврата: на ней ярко отражается упадокъ науки и политической жизни въ обществѣ (1).

Изъ этого краткаго очерка видно, что Итальянцы не долго оставались руководящимъ народомъ въ дѣлѣ политическаго просвѣщенія. Несчастныя обстоятельства, которыя безвыходно тяготѣли надъ судьбою всего Апеннинскаго полуострова, сильно задерживали развитіе мысли и наконецъ совершенно изгнали отсюда гражданскій духъ. Уже въ половинѣ XVI вѣка средоточіемъ ученой дѣятельности въ Европѣ сдѣлалась Испанія. Въ этой странѣ, которую все привыкли считать классическою страной инквизиціи и обскурантизма, государственныя науки не только нашли убѣжище, но значительно подвинулись впередъ. Около столѣтія испанскій умъ неутомимо работалъ надъ политическими идеями, и, надобно сказать по справедливости, дѣятельность его была разнообразна и плодотворна. На сочиненіяхъ этого народа лежитъ печать здоровой логики и практическаго смысла; все испанскіе публицисты тверды въ общихъ началахъ, сильны въ казуистикѣ, точны въ разграниченіи отдѣльныхъ предметовъ и весьма начитанны. Хотя между ними не встрѣчается ни одной личности, подобной Макиавелли, но у многихъ виденъ несомнѣнный талантъ, многіе отличаются свѣтлымъ, либеральнымъ направленіемъ, возвышеннымъ, гуманнымъ взглядомъ на общественныя отношенія. Нѣкоторые изъ этихъ писателей пріобрѣли себѣ прочный авторитетъ: ихъ отвлеченные выводы въ разныхъ отрасляхъ политическаго знанія до сихъ поръ признаются вѣрными.

Должно замѣтить однакоже, что политическая литература Испаніи, относящаяся къ XIV вѣку, при всемъ своемъ богатствѣ и достоинствѣ, глубоко проникнута богословскимъ духомъ. Объяснить это не трудно. Почти все относящіяся сюда сочиненія писаны духовенствомъ, которое было, какъ извѣстно, первенствующимъ сословіемъ въ странѣ, пользовалось большимъ

(1) О жизни этого писателя см. сочиненія, приведенныя у Моля I, 184, not. 2. Преслѣдованія и пытки, которымъ подвергался Кампанелла, нѣсколько объясняютъ эту загадочную личность: иначе нельзя понять противорѣчій, въ которыя онъ впадалъ на каждомъ шагѣ. Обстоятельства акъ видно, заставляли его служить подъ разными знаменами!

уваженіемъ и захватило въ руки воспитаніе народа. Не удивительно, что служители церкви провозглашали ультра-католическія идеи и безусловное повиновеніе папѣ: они не могли слѣдовать другому ученію, не подвергаясь отвѣтственности передъ инквизиціей. Но стѣсненные во всемъ, что касалось вѣры, они сохранили полную независимость взгляда на государство. Свѣтская власть стояла отъ нихъ далеко и не могла имъ вредить; они не только судили о ней свободно, но въ видахъ церкви противо-дѣйствовали ея усиленію: оно казалось имъ опаснымъ для религіозныхъ интересовъ. Эта задушевная мысль съ особеннымъ искусствомъ проведена у іезуитовъ, между которыми встрѣчаются даровитые публицисты, въ нравственныхъ убѣжденіяхъ совершенно сходные съ Макиавелли (1) и, подобно ему, проникнутые политическимъ равнодушіемъ къ формамъ правленія. Оригинальная сторона ихъ ученія состоитъ только въ томъ, что они требуютъ перевѣса и простора теократическому элементу въ государствѣ и склоняются въ пользу монархіи, ограниченной вліяніемъ духовенства и дворянства. Впрочемъ должно помнить, что не всѣ испанскіе писатели слѣдовали іезуитскому образу мыслей, напротивъ многіе изъ нихъ защищали сознательно средневѣковыя учрежденія отечества и были сознательными врагами духовнаго и свѣтскаго абсолютизма. Замѣчательно, что свободныя идеи высказывались не прямо, а косвенно, иногда темно и глухо, всегда осторожно и робко. Къ счастью, инквизиція не преслѣдовала чисто отвлеченныхъ изслѣдованій о государствѣ: она сосредоточила все свое вниманіе только на томъ, чтобы предохранить страну отъ реформаціи. Политическая философія была подавлена уже тогда, когда она, можно сказать, почти окончила свою задачу и не могла принести непосредственной пользы для націи, то-есть, когда старая конституція была разрушена до основанія. Богословское направленіе испанской литературы объяс-

(1) Мы не намѣрены подробно излагать здѣсь нравственныхъ и политическихъ правилъ знаменитаго ордена: они извѣстны по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ каждому образованному читателю. Лучшее сочиненіе объ этомъ предметѣ написано Эмендорфомъ подъ заглавіемъ: *Moral und Politik der Jesuiten nach den Schriften der vorzüglichsten theologischen Autoren dieses Ordens*. Darmstadt, 1840.

няется также особеннымъ авторитетомъ, которымъ пользовался здѣсь Томасъ Аквинскій (Thomas Aquinas). Всѣ профессора университетовъ были послѣдователями этого схоластика, и старались согласить свои политическія идеи съ его философіею. Понятія Томаса о государствѣ вообще проникнуты мистицизмомъ, казуистическою тонкостью, и состоятъ въ связи съ его метафизическимъ ученіемъ. Мы изложимъ здѣсь по крайней мѣрѣ руководящія начала, положенныя имъ въ основаніе науки правленія.

Тома Аквинскій раздѣляетъ власть на божественную и человѣческую. Проявленіе власти божественной, по его словамъ, видно въ гармоніи и порядкѣ государственнаго зданія. Власть политическая въ своемъ первобытномъ существѣ—то же, что власть физическая: міръ нравственный также не могъ бы существовать безъ ея присутствія и охранительнаго вліянія, какъ міръ матеріальный безъ попеченія объ немъ безконечнаго Разума. Человѣческія общества, разсыянные по лицу земли, можно сравнить съ разными твореніями видимой природы; каждое изъ нихъ совершаетъ отдѣльную службу для общей цѣли, но всѣ исходятъ отъ одного центра мудрости, справедливости и закона. Нравственные качества верховнаго ума служатъ источникомъ тѣхъ благодѣяній, которыя мы получаемъ отъ общества, и которыми безъ этой живительной силы мы бы не могли пользоваться.

Человѣческая власть всякаго рода есть власть переданная (delegata) божественною природою. Если эта власть не устроена правильно, если мудрость, справедливость и законность не служатъ основаніемъ общественныхъ учрежденій, они не могутъ быть тверды и неизбежно повлекутъ къ анархіи и хаосу. Каналы, черезъ которые божественная мудрость дѣйствуетъ на свѣтское законодательство, должны быть приготовлены религіею (?).

Всѣ отрасли государственныхъ наукъ имѣютъ предметомъ усовершенствовать человѣка. Поднять его на высшую ступень бытія—въ этомъ состоитъ ихъ единственная цѣль; онѣ должны дѣйствовать обща, гармонически, по извѣстнымъ началамъ. Политическое изслѣдованіе предполагаетъ извѣстную сопоставляющую и направляющую силу; она заключается въ разумѣ. Мы видимъ на каждомъ шагѣ въ общественной жизни, что мысль господствуетъ надъ матеріальною силой. Итакъ политическія науки—самая живая и духовная отрасль знанія. Публицистъ

долженъ разсматривать предметы съ троякой точки зрѣнія:
1) изучать политическія причины, безъ которыхъ познаніе однихъ отвлеченныхъ началъ управленія останется безплоднымъ;
2) основывать всѣ правила общественной философіи на нравственной и религіозной природѣ челоѣка, безъ чего политику нельзя возвысить надъ рутиною, и 3) при всякомъ преобразованіи искать опоры не въ однихъ матеріальныхъ отношеніяхъ, но въ духовныхъ потребностяхъ (1).

Этими немногими словами Блеки, мы передали сущность ученія Оомы Аквинскаго, считая излишнимъ разсматривать его въ подробности, тѣмъ болѣе, что при самомъ обширномъ изложеніи оно останется въ нѣкоторыхъ частяхъ темнымъ. Читатель видитъ отсюда, что, несмотря на свое богословское и нѣсколько мистическое направленіе, знаменитый схоластикъ имѣлъ самое возвышенное понятіе о политическихъ наукахъ. Оно сохранилось и между его послѣдователями.

Испанскіе публицисты XVI и первой половины XVII вѣка могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ изъ нихъ, которые разрабатывали науку о государственномъ устройствѣ и управленіи или, лучше сказать, занимались теоретическимъ изслѣдованіемъ монархіи. Начиная съ 1525 года, въ Испаніи было издано безчисленное множество обширныхъ трактатовъ и памфлетовъ подобнаго содержанія (2): въ нихъ можно найти ясно изложенную, хотя и не вполне развитую теорію представительной формы правленія. Почти всѣ писатели этого времени требуютъ отдѣленія власти законодательной отъ исполнительной, берутъ подъ свою защиту средневѣковыя учрежденія королевства (кортесы, муниципальное устройство и пр.) и являются приверженцами гражданской свободы. Между ними особенно извѣстностью пользуется іезуитъ Маріана: его сочиненіе «*De rege et regis institutione*» было сожжено публично рукою палача въ 1605 г. На Маріану нельзя однакоже смотрѣть, какъ на основателя радикальной школы: онъ умѣренный монархистъ по убѣжденіямъ; если онъ оправдываетъ чрезвычайныя, насильственные средства противъ тиранніи, то скорѣе изъ религіознаго, нежели изъ полити-

(1) Blakey II, 367—370.

(2) Blakey II, 398—99.

ческаго фанатизма. По стройности и послѣдовательности началъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: Фахардо, Антоніо, Аугустино и Іоаннесъ Пересъ. Первые два старались согласить политику съ правомъ и нравственностью; третій былъ основателемъ такъ-называемой патріархальной теоріи, то-есть объяснял происхожденіе власти верховной изъ семейнаго и родоваго быта. Эта теорія, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, встрѣтила сочувствіе между нѣкоторыми публицистами; ее пытались даже приложить къ практикѣ, но безъ особеннаго успѣха.

Другой классъ испанскихъ писателей состоитъ изъ богослововъ и казуистовъ, которые занимались изученіемъ отдѣльных частей законовѣдѣнія и политики. Сюда можно отнести знаменитыхъ профессоровъ Саламанскаго университета, Викторію и Сото, у которыхъ мы находимъ гуманный взглядъ на внѣшнія сношенія и довольно ясныя понятія о международномъ правѣ Европы, Балтазара Айялу, автора перваго систематическаго трактата о правѣ войны (*De jure et officiis belli*, 1581), Васкеса и Суареса. Послѣдній написалъ обширное и глубокое сочиненіе «о законахъ и Богѣ-законодатель», на которое можно смотрѣть какъ на энциклопедію государственныхъ наукъ. Почти всѣ упомянутые публицисты разрѣшали между прочимъ вопросъ объ отношеніяхъ метрополіи къ колоніямъ, возбужденный открытіемъ Америки, и высказали объ этомъ предметѣ весьма здравыя сужденія. Къ несчастію, испанское правительство не слушало человѣколюбиваго голоса лучшихъ своихъ гражданъ и упорно держалось суровой колоніальной политики, которая привела въ послѣдствіи къ самымъ печальнымъ результатамъ. Блестящій періодъ испанской политической литературы миновалъ очень скоро. Она погибла подъ ударами инквизиціи и гнетомъ цензуры. Уже въ половинѣ XVI вѣка духовная и свѣтская власть смотрѣла подозрительно на просвѣщеніе, отрѣзала народъ отъ всякаго умственнаго соприкосновенія съ другими націями и запрещала почти всѣ иностранныя книги. Къ концу столѣтія полицейскій надзоръ за литературою дошелъ до неслыханной строгости: всѣ философскія и политическія сочиненія подверглись преслѣдованію. Положеніе профессора, публициста и всякаго человѣка съ независимымъ мнѣніемъ, говоритъ Тикноръ, сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ: за нимъ повсюду слѣдили; тяжкое наказаніе угрожало ему

за малѣйшую оплошность... При такомъ угнетеніи трудно было дѣйствовать на поколѣніе, наставлять публику: писатели, которые шли по этой скользкой дорогѣ, должны были ограничиваться общими фразами, или впадали въ декламаторство, или наконецъ становились мистиками (1). Этимъ объясняется постепенный упадокъ самостоятельности въ испанской литературѣ, робость и темнота испанскихъ писателей: они какъ будто боятся новыхъ идей, подавляютъ въ себѣ оригинальный взглядъ, закрываются авторитетами. Въ XVII столѣтіи творческая дѣятельность народнаго духа видимо истощилась; только Суаресъ и Маріана выходятъ изъ ряда посредственныхъ, бездарныхъ педантовъ. Нація должна была отказаться отъ политическаго размышленія и отъ разработки государственныхъ наукъ; долго умственные ея представители возвышали свой голосъ съ самоотверженіемъ и геройствомъ противъ общественнаго зла, и наконецъ замолкли. Во всякомъ случаѣ трудъ ихъ не былъ потерянъ; идеи, пущенныя ими въ ходъ, взошли и принесли плоды на другой, болѣе благо-родной почвѣ...

Переходя съ юга Европы на сѣверъ, считаемъ необходимымъ прежде всего остановиться на Германіи, которая была исходнымъ пунктомъ великаго религіознаго переворота, извѣстнаго подъ именемъ реформации. Повидимому, въ странѣ, гдѣ началась и откуда распространилась борьба противъ католицизма, слѣдовало бы ожидать сильнаго движенія политической мысли. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Уже на первыхъ порахъ почти все реформаторы поняли, что, для успѣха ихъ дѣла, необходимо оставить неприкосновеннымъ существующій государственный порядокъ и ограничиться защитой свободы совѣсти: въ противномъ случаѣ обществу могла грозить страшная опасность, какъ показали безумныя выходки анабаптистовъ и крестьянскія войны. Поэтому въ сочиненіяхъ Лютера, Меланхтона, въ «Письмахъ темныхъ людей» (*Epistolae obscurorum virorum*, 1517) и въ «Институтахъ» Кальвина мы находимъ мало политическаго; реформаторы касаются государственнаго устройства мимоходомъ, бѣгло, уклончиво, и хотя даютъ иногда совѣты властямъ и увѣщанія отдельнымъ сословіямъ, хотя вооружаются противъ нѣкоторыхъ зло-

(1) Ticknor, History of spanish literature III, 180.

употреблений, но вообще не придерживаются никакой теории относительно формы правления. Их оппозиция обращена исключительно на римский дворъ; свѣтскую власть они видимо стараются склонить на свою сторону и даже подчиняютъ ей вновь созданную церковь. Наступившая потомъ война надолго остановила развитіе государственныхъ наукъ въ Германіи. До половины XVII вѣка эта страна почти не принимала участія въ духовной дѣятельности европейскихъ народовъ; она должна была рѣшить силою оружія вопросъ о вѣротерпимости и не имѣла времени для умственныхъ трудовъ. Политическихъ преобразованій здѣсь нельзя было предпринять, пока не кончилось дѣло съ папскою и императорскою властью.

Такимъ образомъ до самаго Вестфальскаго мира мы въ Германіи почти не находимъ политической литературы, если исключить отсюда трактаты и памфлеты объ отношеніи церкви къ государству, о папской власти и объ устройствѣ протестантскаго духовенства, которыхъ со времени реформаціи появилось очень много, и которые отличаются богословскимъ направленіемъ. Чтò же касается собственно до изслѣдованій о политикѣ, написанныхъ въ это время, они проникнуты духомъ схоластики и не имѣютъ особеннаго научнаго достоинства. Изъ нихъ богаче по содержанію сочиненія Альтгузена и Гергардта; въ нихъ по крайней мѣрѣ видно знакомство съ древними писателями, прочія же не заслуживаютъ и этой похвалы. Вообще германскіе университеты тогда еще мало имѣли вліянія на успѣхи просвѣщенія; государственный науки въ нихъ не преподавались; даже юриспруденція не выходила изъ средневѣковыхъ границъ *utriusque juris*; новыя понятія о правѣ естественномъ и международномъ едва начали пробиваться наружу и при томъ только у немногихъ лучшихъ профессоровъ XVI вѣка, именно у Ольдендорпа, Гемминга и Винклера (1).

Между тѣмъ какъ Германія отстаивала съ оружіемъ въ рукахъ свою религіозную и національную свободу противъ австрійскаго дома, во Франціи реформація ускорила возрожденіе наукъ. Это объясняется отчасти народнымъ характеромъ, отчасти особенными обстоятельствами, въ которыя была поставлена эта

(1) См. *Kaltenborn*, die Vorläufer von Hugo Grotius. Lpz. 1848.

страна. Впервые французская нація, какъ болѣе живая и воспріимчивая, подверглась ранѣе и сильнѣе вліянію политическихъ идей, выработанныхъ въ Италіи и въ Испаніи; далѣе, протестантизмъ сталъ здѣсь въ другое положеніе относительно королевской власти; наконецъ, самыя событія, начиная отъ Франциска II до Генриха IV, поддерживали броженіе въ обществѣ. Поэтому неудивительно, что въ періодъ лиги лучшіе умы обратились къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ и возвысили свой голосъ въ дѣлѣ, отъ исхода котораго зависѣла будущность королевской власти и господствовавшихъ учреждений. Готоманъ, Лангё, Буше,—вотъ первые представители французской политической литературы; ихъ сочиненія не что иное, какъ грозные, огненные памфлеты, которыхъ смыслъ почти утратился для позднѣйшихъ временъ; они замѣчательны только какъ протестъ народнаго сознанія противъ злоупотребленій и насилій эпохи; въ нихъ политическія страсти преобладаютъ надъ размышленіемъ. Гораздо болѣе достоинствъ находимъ у Бодена, автора обширнаго трактата «о государствѣ» (*de Republica*), изданнаго въ 1576 году. Этотъ писатель далеко превосходитъ своихъ современниковъ какъ по глубинѣ взгляда, такъ и по образованію, отличается умеренностію, спокойствіемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже возвышенностію идей. Такъ, разсуждая о преобразованіяхъ въ государствѣ, онъ совѣтуетъ правительствамъ «подражать и слѣдовать великому Творцу вселенной, который во всемъ дѣйствуетъ постепенно и систематически, произраждаетъ нечувствительно изъ малаго сѣмени высокое дерево и соглашаетъ крайности природы, климата, временъ года, такъ что нигдѣ не замѣтно насилія или принужденія» (книга IV). Сравнивая Бодена съ Макиавеллемъ и Маріаною, мы видимъ, что въ основѣ политическихъ убѣжденій перваго поставлены нравственныя начала; юридическій элементъ также занимаетъ видное мѣсто у Бодена. Къ сожалѣнію, у него кое-гдѣ встрѣчаются противорѣчія, чудовищные выводы (1) и даже астрологическія увлеченія; онъ не всегда вѣренъ самому

(1) Напримѣръ, онъ доказываетъ, что, въ благоустроенномъ государствѣ, отецъ долженъ имѣть полную власть надъ жизнью и смертію дѣтей.

себѣ, часто колеблется и запутывается; видно, что въ немъ происходила внутренняя борьба между богословскими понятіями и разумомъ, что Боденъ не успѣлъ согласить религіи съ философіею. Главною опорою французскаго публициста служить Аристотель; замѣчательно впрочемъ, что онъ не вездѣ придерживается его ученія. Такъ теорія о происхожденіи государствъ (изъ завоеванія) развита у Бодена самостоятельно. Вообще онъ не былъ, какъ нѣкоторые думаютъ, рабскимъ поклонникомъ древнихъ классическихъ авторитетовъ; его доказательства и примѣры почерпнуты не изъ однихъ писателей Греціи и Рима, но также изъ новой исторіи. Бодену, какъ практическому юристу, хорошо были извѣстны французскія учрежденія и въ нѣкоторой степени законы другихъ европейскихъ народовъ; онъ сравниваетъ ихъ между собою и даже пытается объяснить причины различія между ними. Особенно замѣчательна (если не по результатамъ, то по основной мысли) его попытка показать вліяніе климата и мѣстности на духъ правительствъ (книга V).

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка во Франціи появилось еще нѣсколько сочиненій о государствѣ, но ни одно изъ нихъ не можетъ стать въ уровень съ твореніемъ Бодена ни по обширности, ни по содержанію. Правда, Пьеръ Грегуаръ, Венсанъ Кабо, Рене де Люзенжъ и др. публицисты этого времени высказали много свѣтлыхъ политическихъ идей, но, собственно говоря, не подвинули впередъ науки. Новая эпоха для самостоятельнаго изслѣдованія наступила уже тогда, когда Декартъ провозгласилъ основныя начала своей философіи.

Съ такою же, если не съ большею силой обнаружилось умственное движеніе въ Англіи съ половины XVI столѣтія. Еще въ концѣ среднихъ вѣковъ Англичане начали изучать свои законы и устройство, но войны и безпорядки долго задерживали развитие политической мысли въ обществѣ. Правительство смотрѣло на публицистовъ непріязненно и подвергало ихъ различнымъ гоненіямъ. Такъ Джонъ Фортеस्कью, знаменитый авторъ сочиненія «Похвала англійскимъ законамъ» и памфлета «О различіи между деспотизмомъ и монархіею», принужденъ былъ бѣжать изъ отечества (1463). Всѣ рукописи и книги на англійскомъ языкѣ, въ которыхъ обсуживались учрежденія и государственныя дѣла, были

запрещены подѣ страхомъ смертной казни. Однакоже политическій духъ народа скоро разрушилъ всѣ постановленныя ему преграды. Когда реформація принесла на островъ новыя идеи, — общественное мнѣніе было потрясено какъ бы электрическимъ ударомъ. Авторитетъ папы и католицизма палъ; королевская власть, уже до того времени твердая, еще болѣе усилилась. При этомъ естественно въ умахъ гражданъ возникъ вопросъ, какимъ образомъ опредѣлить отношеніе между государствомъ и церковью на новыхъ основаніяхъ, безъ вреда для свободы и безъ опасности для пріобрѣтенныхъ сословіями льготъ. Онъ былъ затронутъ прежде всего въ Шотландіи, гдѣ реформаторы дѣйствовали радикальнѣе, нежели въ Англіи. Сначала появилось нѣсколько сатиръ и драмъ религіозно-политическаго содержанія (1), потомъ трактатъ Буканана «*de jure regni apud Scotos*», написанный самымъ общедоступнымъ и привлекательнымъ образомъ, въ видѣ разговора. Теорія общественного контракта пущена была въ ходъ смѣлымъ перомъ этого даровитаго и восторженнаго публициста; онъ первый далъ согражданамъ понятіе о правахъ человека и объяснилъ свойство представительной монархіи (2). По слѣдамъ Буканана пошли другіе, и мало-по-малу нація приняла сознательное участіе въ политическихъ преніяхъ. Примѣръ сосѣдей скоро подѣйствовалъ на Англичанъ; они также начали всматриваться въ свой государственный бытъ и стремиться къ преобразованіямъ. Впрочемъ здѣсь пропаганда шла не такъ скоро: царствованіе Генриха VIII и Маріи не благоприятствовало свободѣ политической мысли. Публицисты были принуждены касаться общественныхъ вопросовъ очень осторожно: надъ книгопечатаніемъ тяготѣла строжайшая цензура. Чтобы избѣжать преслѣдованій, они высказывали свои идеи и требованія аллегорически. Представителемъ такого направленія можно считать Томаса Мора, автора «утопій», первой англійской книги, въ которой изложены общія начала политики (1516). Недовольный отечественными учрежденіями, Томасъ Моръ начерталъ, по образцу республики Платона, идеаль государственнаго устройства, въ основаніи ко-

(1) Blakey, II, 54—59.

(2) Blakey, *ibid.* 59—61.

тораго лежить избирательная система, общевладѣніе и совмѣстный трудъ гражданъ. Не ранѣе, какъ съ Елисаветы начинается снова успѣшная и болѣе свободная разработка англійскаго государственнаго права. Лучшими писателями этого времени были Гудманъ, Пойнетъ, Арбутнотъ, Пенри, Ричеръ, Томасъ Смитъ и Барклей (1). Но самое видное мѣсто между ними занимаетъ Альберико Джентили, оксфордскій профессоръ, Итальянецъ по происхожденію, человекъ съ обширными познаніями. Онъ много содѣйствовалъ распространенію юриспруденціи въ Англіи и особенно науки международнаго права, которую онъ значительно подвинулъ впередъ своими изслѣдованіями «о посольствахъ» (1583) и о «воинѣ» (1589). Вообще королева Елисавета хотя и не терпѣла гражданской свободы, но по крайней мѣрѣ не преслѣдовала политическаго просвѣщенія такъ безпощадно, какъ ея отецъ. Чтò же касается до Іакова I, онъ самъ занимался государственными науками и своимъ сочиненіемъ объ обязанностяхъ монарха (1605) возбудилъ между учеными сильныя споры. Поэтому въ его царствованіе литература Англіи обогатилась новыми изслѣдованіями о королевской власти. Одни писатели, напримѣръ, Валтеръ Рали (Raleighs), епископъ винчестерскій Андрюсъ, Сельдемъ, защищали идеи Іакова I; другіе явились его противниками. Эта жаркая полемика продолжалась и при Карлѣ I; въ ней приняли участіе не только англійскіе, но также иностранные писатели; нѣкоторымъ изъ нихъ Стюарты даже платили деньги и жаловали пенсіи, чтобы склонить ихъ на свою сторону. Впрочемъ почти всѣ памфлеты, изданные до революціи, имѣютъ чисто мѣстный и историческій интересъ: они писаны въ духѣ партіи, съ увлеченіемъ страсти; болѣе серіозныя сочиненія о государствѣ являются не ранѣе, какъ въ половинѣ XVII столѣтія. Тогда только вполне обнаружилось вліяніе философіи Бэкона и великой борьбы между королями и парламентомъ на политическія науки.

Гораздо скорѣе распространилось политическое образованіе въ Голландіи. Здѣсь за реформаціей непосредственно слѣдовала національная борьба за независимость и введеніе федеративно-республиканскаго устройства, а потому религіозные вопросы почти

(1) Blakey, II, 74—81.

слились съ государственными. Уже въ концѣ XVI столѣтія, въ провинціальныхъ и генеральныхъ штатахъ, мы находимъ великихъ администраторовъ и юристовъ; они занимались наукою правленія теоретически и практически, и были основателями знаменитой голландской школы, вліяніе которой распространилось потомъ далеко за предѣлы отечества. Съ XVII столѣтія Амстердамъ, Лейденъ и Гага сдѣлались средоточіемъ книгопечатанія и книжной торговли въ Европѣ: здѣсь обыкновенно выходили въ свѣтъ книги, которыхъ нельзя было издать въ сосѣднихъ государствахъ, по причинѣ строгихъ законовъ о ценсурѣ. Итакъ неудивительно, что новыя религіозныя идеи проникли въ Голландію весьма рано, что она усвоила себѣ результаты знанія, добытые въ Италіи, Испаніи и Франціи. Впрочемъ, до основанія республики, литература этой страны не представляетъ оригинальныхъ и серьезныхъ сочиненій о государствѣ; она богата только памфлетами (1). Первымъ публицистомъ Голландіи по праву признается знаменитый Гуго де-Гротъ или, въ латинской формѣ, Гроцій (Groot, Grotius 1583—1645), котораго обыкновенно признаютъ основателемъ науки естественнаго, государственнаго и международнаго права. Его сочиненіе о правѣ войны и мира (*de jure belli ac pacis libri tres, in quibus jus naturae et gentium item juris publici praecipua explicantur*. Par. 1625), по своимъ достоинствамъ и вліянію на общественное мнѣніе, составляетъ эпоху въ исторіи цивилизаціи, а потому необходимо остановиться на немъ со вниманіемъ.

Гротъ предпринялъ свой незабвенный трудъ по самому благородному и христіанскому побужденію. Онъ жилъ въ эпоху кровавой религіозной борьбы и, говоря его собственными словами, «видѣлъ между европейскими государствами такое безначаліе въ войнѣ, которое заставило бы самихъ варваровъ стыдиться: войны начинались подъ самыми ничтожными предлогами и велись безъ всякаго уваженія къ божескимъ и человѣческимъ законамъ, какъ будто бы простое объявленіе войны разрѣшало на всѣ возможные злодѣянія.» Чтобы положить конецъ такой гибельной анархіи,

(1) Замѣчательно только трактатъ Юста Липсія о политикѣ (1563, въ которомъ впрочемъ мало самостоятельнаго: онъ наполненъ одними выписками изъ древнихъ писателей.)

знаменитый публицистъ рѣшился пробудить сознаніе права и долга въ народахъ, напомнить имъ о единствѣ челоуѣчества, о тѣхъ вѣчныхъ законахъ, которые установлены Богомъ и природою, провозглашены общимъ голосомъ всѣхъ вѣковъ и составляютъ необходимую основу порядка и спокойствія на землѣ. Для достиженія своей цѣли, онъ обратился къ Св. Писанію, къ отцамъ церкви, къ древней и новой литературѣ, къ римскому праву, и отовсюду собиралъ матеріалы, на которыхъ могла быть построена наука о юридико-политическихъ сношеніяхъ между націями. Но такъ какъ эту задачу трудно было выполнить безъ объясненія природы государства и высшихъ началъ законодательства, то Гротъ коснулся почти всѣхъ общественныхъ вопросовъ и начерталъ обширную систему не только публичнаго, но и частнаго права. Замѣчательно впрочемъ, что онъ строго отдѣлилъ свое ученіе отъ политики, на которую смотрѣлъ непріязненно; задушевная мысль Гроота состояла въ томъ, чтобы противоуѣствовать вліянію Макиавеллевыхъ началъ и подчинить всѣ дѣйствія правительства во внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ сношеніяхъ одной главной цѣли, одной обязанности—справедливости. Эта высшая идея стоитъ у него на первомъ мѣстѣ, служить ему руководящимъ началомъ; онъ вездѣ ищетъ правды, не касаясь эгоистическаго благоразумія и пользы. «Изложеніе политическаго искусства, говоритъ онъ, я предоставляю другимъ». Напротивъ нравственность и религія у Гроота тѣсно соединены съ юриспруденціею; всякій капитальный вопросъ онъ разсматриваетъ сначала съ богословской точки зрѣнія и приводитъ въ свою защиту слова изъ священныхъ книгъ. Самое естественное право, по его мнѣнію, есть существенная часть морали.

Такимъ образомъ трактатъ Гроота представляетъ богатое, всестороннее содержаніе. Даже въ настоящее время нельзя не удивляться обширной эрудиціи этого писателя; онъ былъ безспорно однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и воспользовался всѣмъ, что сдѣлали его предшественники. Богословская и юридическая литература Европы была ему хорошо извѣстна, но особенно силенъ онъ въ знаніи древности. «Право войны и мира» наполнено ссылками на греческихъ и римскихъ писателей, за которыми часто исчезаетъ собственная мысль ав-

тора. Вообще на Грота можно смотрѣть скорѣе какъ на собирателя, нежели какъ на изслѣдователя; онъ особенно владѣлъ искусствомъ сводить результаты и примѣрять идеи, добытыя другими; творчества у него мало. Основное его ученіе о государствѣ имѣетъ много сходства съ философіею стоиковъ и Цицерона; въ понятіяхъ о правѣ международномъ онъ также опирается преимущественно на классическихъ писателей. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Гротъ былъ бездарный педантъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Онъ отказывался отъ самостоятельнаго сужденія и оригинальныхъ теорій не по безсилію, не по несостоятельности, но съ намѣреніемъ, сознательно. Ему нужно было дѣйствовать на публику всею массою тогдашнихъ авторитетовъ. «Я ссылаюсь на философовъ, историковъ, поэтовъ и ораторовъ не потому, что имъ должно слѣпо вѣрить, они часто защищаютъ предразсудки и пристрастны къ своему дѣлу; но потому, что одинаковыя мнѣнія, высказанныя въ разныхъ странахъ или въ разное время, надобно отнести ко всеобщей причинѣ; такія мнѣнія или основаны на справедливости, или же выражаютъ согласіе всего человѣчества.»

Гротъ пріобрѣлъ необыкновенное вліяніе на Европу и сдѣлался наставникомъ, какъ бы законодателемъ общественнаго мнѣнія. Трактатъ «о правѣ войны и мира» можно было найти въ рукахъ государей, въ кабинетахъ министровъ и дипломатовъ, на столѣ у всѣхъ образованныхъ людей. Ни одинъ публицистъ послѣ Макиавелли не пользовался такимъ авторитетомъ и не удовлетворилъ до такой степени настоятельнымъ нуждамъ вѣка. Въ самомъ дѣлѣ христіанскія государства давно уже чувствовали потребность сближенія; историческія событія видимо влекли ихъ къ образованію политической системы; еще съ среднихъ вѣковъ въ сношеніяхъ между ними, путемъ трактатовъ и обычаевъ, начали вырабатываться извѣстныя правила; оставалось только возвести эти правила къ сознанію, дать имъ юридическую и нравственную опору, провозгласить, во имя религіи, просвѣщенія и общаго блага, міровые законы, двигающіе жизнью человѣчества. На долю Грота выпало рѣшеніе этой высокой задачи, и, надобно согласиться, онъ исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, безпристрастно и благородно. Всѣ силы его ду-

ни устремлены къ тому, чтобы внушить народамъ уваженіе взаимныхъ правъ, укрѣпить силу договоровъ, святость обѣщаній, ослабить неразумную жестокость въ войнѣ и подкопать довѣріе къ безнравственнымъ средствамъ Макиавелевой политики. Дѣйствительно, современники были поражены сильными доказательствами великаго публициста; онъ убѣдилъ ихъ словомъ правды и добра, что «не можетъ принести прочной пользы то ученіе, которое дѣлаетъ человѣка врагомъ своихъ ближнихъ.» Имя Грота было поставлено на ряду съ классическими писателями и произносимо съ благоговѣніемъ; въ его идеяхъ воспитывались молодыя поколѣнія почти цѣлое столѣтіе.

Если смотрѣть на трактатъ «о правѣ войны и мира» съ точки зрѣнія современной критики, то конечно въ немъ можно найти много недостатковъ. Грота обвиняютъ напимѣръ въ отсутствіи системы, въ сбивчивости и запутанности, въ темнотѣ изложенія; книга его кажется многимъ безобразною компиляціей. Дѣйствительно, нельзя отрицать здѣсь извѣстной доли правды; но строго говоря, эти упреки падаютъ болѣе на эпоху, въ которую Гроту суждено было жить, нежели на его собственную личность. Онъ создалъ науку въ духѣ своего времени, слѣдовалъ схоластическому методу и богословскому направленію, которому подчинялись тогда всѣ писатели, отъ котораго не совѣмъ свободенъ самъ Бэконъ. Другіе упрекаютъ Грота въ отчужденіи отъ современныхъ вопросовъ; по ихъ словамъ, «онъ какъ будто писалъ свое сочиненіе для Грековъ и Римлянъ, а не для новоевропейскихъ народовъ.» По нашему мнѣнію, и въ этомъ случаѣ критики не совѣмъ справедливы къ голландскому публицисту. Вопервыхъ у него не было историческихъ матеріаловъ, съ помощію которыхъ онъ могъ бы разрѣшить споры и задачи тогдашней Европы; во вторыхъ онъ жилъ, когда страсти были взволнованы религіозно-политическою борьбою, въ которую онъ самъ былъ непосредственно замѣшанъ, и о которой его сужденіе всегда могло казаться подозрительнымъ. Вотъ почему онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на древней исторіи, колеблется относительно формъ правленія, говоритъ уклончиво о католицизмѣ и протестантизмѣ и старается сохранить нейтралитетъ среди партій! Цѣль Грота состояла не въ томъ, чтобы раздражать общество, ему нужно было примирить и согласить юридическія

понятія разныхъ народовъ, стать на всемірно-христіанскую и человѣческую точку зрѣнія, чтобы достигнуть предположенной цѣли. Онъ понималъ свое призваніе, и потому сказалъ во всеуслышаніе: «тотъ меня обидитъ, кто подумаетъ, что я придерживался споровъ нашего вѣка или происшедшихъ, или подготовленныхъ для будущаго. Признаюсь по совѣсти, какъ математики рассматриваютъ фигуры отдѣльно отъ тѣлъ, такъ я, говоря о правѣ, удалился духомъ отъ факта.» Думаемъ, что геніальный труженикъ не заслуживаетъ порицанія за эти слова; они только доказываютъ, что онъ твердо рѣшился быть безпристрастнымъ и освободить науку, созидаемую на пользу всего человѣчества, отъ политическаго и религіознаго фанатизма, отъ личныхъ и національных увлеченій и отъ всякой нечистой примѣси. Дѣйствительно, на его сочиненіи лежитъ печать возвышеннаго спокойствія и космополитизма. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гротъ кажется робкимъ, нерѣшительнымъ, слишкомъ консервативнымъ; но за то далеко превосходитъ своихъ современниковъ основательностью и осторожностью выводовъ; его нельзя назвать сторонникомъ какой-нибудь узкой, исключительной теоріи или секты; на немъ нѣтъ слѣдовъ исключительной народности; онъ вполне заслужилъ названіе *европейскаго* публициста. Этими достоинствами объясняется его повсемѣстное вліяніе, онъ сдѣлалъ науку руководительницею прогресса, достояніемъ общественнаго мнѣнія; можно сказать смѣло, что безъ него она сохранила бы еще надолго школьный характеръ и не имѣла бы значенія для правительствъ. Недостатки Грота (особенно въ построеніи международнаго права) скоро были исправлены другими; они происходятъ особенно отъ того, что онъ мало пользовался положительными источниками, то-есть трактатами и обычаями; но основныя его идеи до сихъ поръ считаются непоколебимыми: онъ перешли въ сознаніе поколѣній. Не менѣ важны его заслуги въ объясненіи высшихъ началъ юриспруденціи: на него смотрятъ, какъ на основателя новой философіи права; онъ мѣтко затронулъ общественную природу челоука (*appetitus societatis*) и удачно вывелъ изъ ней коренные законы политической жизни. Менѣ удовлетворительны его изслѣдованія о правѣ государственномъ; здѣсь онъ видимо боится коснуться больной стороны своего времени и нерѣдко противорѣчитъ самому себѣ. Нако-

нецъ, вообще должно согласиться, что юридическій элементъ у Грота не ясно отдѣленъ отъ богословскаго и нравственнаго, онъ часто увлекается за предѣлы политическихъ наукъ и, слѣдуя своему всемірно-гуманному направленію, смѣшиваетъ разнообразныя матеріалы въ одну пеструю массу.

Гуго Гротъ завершаетъ собою рядъ великихъ писателей, которые трудились надъ созданіемъ государственныхъ наукъ въ Европѣ, отъ XV до половины XVII вѣка, въ бурную эпоху возрожденія, реформации и религіозныхъ войнъ. Это былъ періодъ быстрого прогресса, плодотворнаго изслѣдованія, и вмѣстѣ періодъ нетерпѣливыхъ увлеченій, жаркой полемики и всевозможныхъ крайностей. Между тѣмъ какъ въ средніе вѣка европейскіе народы медленно, туго двигались въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ общественной жизни, — теперь напротивъ они почти разомъ пробудились отъ апатическаго сна и смѣло бросились на новую дорогу. Начиная отъ образованія самостоятельныхъ государствъ до Вестфальскаго мира, почти каждыя пятьдесятъ лѣтъ ознаменованы какимъ-нибудь существеннымъ измѣненіемъ гражданскихъ отношеній, какимъ-нибудь завоеваніемъ для религіозной свободы и государственнаго порядка, или разрушеніемъ отжившихъ формъ. При концѣ среднихъ вѣковъ мракъ и угнетеніе еще тяготѣли надъ Европою. Политическія науки и общественное мнѣніе, какъ внѣшнее видимое ихъ выраженіе, почти не существовали. Общество, правда, кое-гдѣ уже сложилось въ извѣстную форму, правительственная машина работала довольно систематически и безостановочно; но ея природа не была понята разумомъ, ея дѣятельность скрывалась отъ любопытныхъ глазъ. Власть была груба и неукротима; она отвергала совѣтъ, презирала порицанія и упрёки, не терпѣла повѣрки или контроля, выходила безпрестанно изъ законныхъ границъ и обнажала мечъ преслѣдованія на тѣхъ, которые противились насилію. Совершенно другую картину представляетъ христіанскій міръ въ половинѣ XVII вѣка. Борьба, предпринятая за свободу совѣсти, оканчивается всеобщимъ примиреніемъ; папа и императоръ, какъ органы средневѣковаго единства, отказываются отъ своихъ притязаній; европейскія государства признають на конгрессѣ взаимную самостоятельность и учреждаютъ политическую систему; между правительствами возникаютъ постоянныя связи и посольства. Не менѣ важныя

перемены произошли во внутреннемъ быту отдѣльныхъ государствъ: слѣды феодальной анархіи окончательно исчезли; отношенія сословій между собою и къ верховной власти опредѣлились точнѣе, общество соединилось крѣпкими узами территоріальнаго закона въ одно цѣлое. вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ правительствахъ, такъ и въ народахъ, пробудилась политическая мысль; надъ интересами частными возвысился, какъ сознательное представленіе, интересъ общій. Государственныя дѣла обсуживались кабинетами и публикою по извѣстнымъ началамъ; требованіе строгой законности обнаружилось повсюду; чувство свободы высказалось въ готовности каждаго на защиту своихъ правъ. Конечно въ дѣйствіяхъ властителей и подданныхъ еще не видно разборчивости и благоразумія при выборѣ средствъ; но во всякомъ случаѣ для Европы наступилъ періодъ сознательной политической жизни; представители разныхъ партій явились на борьбу съ убѣжденіемъ, съ опредѣленною цѣлю, каждая изъ нихъ сдѣлалась органомъ идеи, старалась убѣдить и склонить на свою сторону другихъ, ратовала во имя общаго блага, ссылалась на законъ, возставала противъ грубаго насиія. Такимъ образомъ въ самыхъ страстяхъ и увлеченіяхъ этого времени замѣтенъ новый духъ, котораго напрасно будемъ искать мы въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Изъ представленнаго обозрѣнія видно, въ какой степени наука содѣйствовала общественному прогрессу. Она не замкнулась въ школахъ, но отвѣчала на всѣ требованія современности, на живые вопросы вѣка; въ ней находили защиту въ одинаковой степени истинные интересы правительствъ и народовъ. Такъ въ Италіи, гдѣ соединеніе націи было дѣломъ настоятельной необходимости, она возвысила свой голосъ въ пользу крѣпкаго и сильнаго государства; въ Испаніи — въ пользу свободныхъ учрежденій; во Франціи боролась противъ угнетенія и нетерпимости; въ Англіи — за представительную монархію и конетитуцію; наконецъ въ Голландіи, въ лицѣ Гуго Грота, за спокойствіе всего христіанскаго міра. Эти незабвенные подвиги даютъ публицистамъ времени возрожденія и реформачіи высокое право на уваженіе и признательность. «Исторія, говоритъ Блеку (1), рѣдко выводитъ

(1) Blakey II, 415.

политическихъ писателей на первый планъ; не многіе изъ нихъ блистаютъ на ея страницахъ, а между тѣмъ они были великими просвѣтителями народовъ. Мы должны послѣдовать за ними въ ихъ скромный кабинетъ, гдѣ въ уединеніи и бѣдности, среди опасностей и борьбы, они размышляли о благѣ и прогрессѣ. Здѣсь-то вырабатывались законодательныя истины наблюдателями человѣческой природы; отсюда-то бросались благотворныя сѣмена на общественную почву! Всѣ спасительныя для государства мѣры истекли изъ самобытнаго и творческаго духа науки, а не завистли, какъ думаютъ нѣкоторые, отъ прихоти или случая. Искусство министра, или практическаго политика, состоитъ только въ своевременномъ примѣненіи идей къ дѣйствительной жизни.»

Несмотря на противорѣчія и споры между публицистами этого времени, всѣ они стремятся къ одной цѣли, проникнуты одною мыслию, заняты однимъ дѣломъ. Каждому изъ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ удалось разсѣять политическій обскурантизмъ среднихъ вѣковъ и принести полезныя матеріялы для построенія общественной жизни на новыхъ основаніяхъ. Повидимому труды ихъ изолированы, несвязны, разрозненны, но на самомъ дѣлѣ въ результатахъ представляютъ гармоническое сочетаніе, стройное единство. Если разсматривать отдѣльныхъ писателей, порознь, безъ отношенія другъ къ другу, можно подумать, что они работали только для своего отечества, разрѣшили одинъ частный вопросъ; но чѣмъ болѣе будемъ мы расширять кругозоръ, тѣмъ скорѣе увидимъ послѣдовательное развитіе мысли и знанія, тѣмъ легче убѣдимся, что политическія истины передаются отъ одного народа къ другому и наконецъ дѣлаются достояніемъ всего образованнаго міра. Напримѣръ Макиавелли писалъ свое сочиненіе исключительно для Италіи, а между тѣмъ многія изъ его идей получили авторитетъ въ цѣлой Европѣ; испанскіе публицисты принесли пользу своими спеціальными изслѣдованіями о смѣшанной монархіи для Англіи и Голландіи; голландскіе и англійскіе (какъ увидимъ въ послѣдствіи)—для Германіи и Франціи. Замѣчательно также, что идеи о государствѣ развивались писателями преемственно; каждый изъ нихъ пользовался изысканіями своихъ предшественниковъ и безостановочно шелъ далѣе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить между

собою сочиненія Макиавелли, Суареса, Маріаны, Бодена и де-Грота.

Любопытно также наблюдать постепенное разложеніе науки о государствѣ на составныя части. Макиавелли, подобно древнимъ писателямъ, еще разсматриваетъ ее какъ одно неразрывное цѣлое; испанскіе и французскіе писатели уже различаютъ науку устройства и управленія; у Суареса это различіе обозначается яснѣе, онъ точно разграничиваетъ нѣсколько самобытныхъ отраслей вѣдѣнія; наконецъ Гротъ рѣшительно отдѣляетъ публичное право отъ политики. Вообще публицисты этого времени высказываютъ стремленіе къ спеціальности, къ разработкѣ политическаго матеріала по частямъ; но имъ недостаетъ надлежащей методы и системы. Они смѣшиваютъ разнообразные элементы, легко переходятъ изъ одной области въ другую, путаются въ понятіяхъ, что легко объяснить преобладаніемъ схоластики. Основателю новой философіи, Бэкону, принадлежитъ честь твердаго раздѣленія политическихъ наукъ; но его вліяніе, какъ мы увидимъ, обнаружилось не ранѣе половины XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ, начиная отъ реформации до Вестфальскаго мира, политическія науки замѣтно очищаются отъ посторонней примѣси, приводятся къ высшимъ началамъ и становятся въ гармоническое соединеніе съ другими отраслями знанія. У Макиавелли политика является страшнымъ, возмутительнымъ искусствомъ, противорѣчитъ религіи и нравственности, идетъ въ разрѣзъ съ высшими требованіями человѣческой природы; у іезуитовъ политика есть орудіе теократіи и невѣжества; они одобряютъ ядъ, кинжалъ, всѣ средства насилія и хитрости. Но чѣмъ ближе будемъ мы подходить къ половинѣ XVII вѣка, тѣмъ рѣже встрѣтимъ такіе крайніе выводы. Уже испанскіе писатели казуистической школы стараются согласить государственныя науки съ христіанствомъ и правомъ; еще болѣе замѣтно это стремленіе у французскихъ и англійскихъ публицистовъ. Вообще политическая литература временъ реформации носитъ на себѣ богословскій отпечатокъ: во всѣхъ сочиненіяхъ находимъ мы ссылки на Св. Писаніе и отцовъ церкви. Иначе и быть не могло: народы вели тогда борьбу за свободу совѣсти; на ней было сосредоточено вниманіе всего міра. Но если эта великая борьба на нѣкоторое время задержала развитіе знанія, за то изъ ней вышли крѣпкія, чистыя и самобытныя политическія идеи;

за то она завершила примиреніе государственныхъ наукъ съ религіею ; особенно у протестантскихъ писателей преобладаетъ духъ строгой законности и умѣренности, крайности замѣтно сглаживаются : всѣ они стоятъ на сторонѣ гражданской свободы, тиранніи и самоуправство между ними имѣютъ менѣе фанатическихъ приверженцевъ. Наконецъ у Грота, послѣдняго представителя эпохи, мы видимъ спокойствіе и свободу ума, безпристрастіе приговора въ соединеніи съ теплою вѣрою и глубоко нравственными убѣжденіями: онъ признаетъ справедливость, челоуколюбіе , терпимость и милосердіе, высшими обязанностями христіанскихъ народовъ. Послѣ него богословская школа окончательно упала: онъ примирилъ знаніе съ религіею.

Два съ половиною столѣтія потребовалось, какъ мы видѣли, для того , чтобы насадить политическія науки на европейской почвѣ; онѣ были создаваемы мало-по-малу, какъ бы отрывками, несмотря на горячій , нетерпѣливый характеръ эпохи. Каждый народъ внесъ свою долю на это полезное дѣло , они работали почти совмѣстно и, подчиняясь вліянію однихъ и тѣхъ же элементовъ и событій , пришли постепенно къ сходнымъ убѣжденіямъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ началахъ. Къ половинѣ XVII вѣка государственныя науки , можно сказать , достигли вездѣ одинаковаго уровня въ теоріи и сдѣлались достояніемъ цѣлой Европы , при вліяніи Гуго Гроція. Весь этотъ періодъ не покажется продолжительнымъ, если обратить вниманіе на то, какъ медленно вырабатываются политическія идеи , сколько преградъ встрѣчаетъ разумъ при изслѣдованіи общественныхъ явленій и законовъ. Мы уже говорили въ первой статьѣ о причинахъ, задерживающихъ успѣхи государственныхъ наукъ; къ этому можно присоединить слѣдующія замѣчанія Блеки, вызванныя размышленіемъ о пройденной нами эпохѣ.

«Исторія общественнаго мнѣнія представляетъ нѣсколько періодовъ, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго: иногда замѣтенъ быстрый толчокъ впередъ, иногда какъ бы апатія и застой. Часто можно подумать даже, что народъ идетъ назадъ, но это есть не что иное , какъ успокоеніе государства послѣ наплыва новыхъ идей : нужно время, чтобы они были поглощены на всѣхъ слояхъ общественной почвы. Часто среди борьбы и столкновеній кажется, что силы націи истощились или онѣмѣли отъ на-

пращенія; но спустя нѣсколько лѣтъ энергія неожиданно является, и общественный духъ снова занять свѣжими идеями. Между тѣмъ прежде-пріобрѣтенное знаніе обезпечено, и человѣчество стало на высшую степень развитія. Публичный прогрессъ можно сравнить съ разливомъ водъ. Передовыя волны идутъ, потомъ отступаютъ, потомъ возвращаются съ новою силою и наконецъ затопляютъ берегъ. Такъ и политическая истина дѣйствуетъ на общество: за первымъ ея появленіемъ почти всегда слѣдуетъ реакція, но за реакцію — вѣрное завоеваніе.

«Когда строится обширное зданіе, мы видимъ вокругъ него безобразныя примостки (scaffolding); закрытое лѣсомъ, оно кажется чудовищною массою, но когда снимутъ всѣ эти столбы и доски, оно открываетъ передъ нами свои прекрасныя формы; мы находимъ въ немъ законы архитектуры, изящество и вкусъ. То же должно сказать о политическихъ наукахъ. Враждебныя и крайнія теоріи, горячіе и утомительные споры, составляютъ ихъ необходимую обстановку; медленно слагаются онѣ въ гармоническое цѣлое. Только время вырабатываетъ общественныя истины и раскрываетъ ихъ разуму; сначала онѣ, какъ сѣмена, лежатъ подъ землею, являются на поверхности едва замѣтными и растутъ медленно; какъ плодоносное дерево, онѣ требуютъ обрѣзки и внимательнаго надзора, и на хорошей почвѣ развиваются роскошно.

«Итакъ исторія общества есть исторія прогресса. Политическія идеи растутъ и примѣняются къ жизни, когда созрѣютъ. Онѣ иногда не видны простому глазу, движеніе ихъ подмѣтить трудно, но онѣ полны жизненной силы; въ этомъ нельзя сомнѣваться. Невидимая рука ведетъ человѣчество къ развитію и поддерживаетъ надежду на лучшее. *Les hommes agitent, mais Dieu mene*, говоритъ Боссюэтъ. Вѣра и твердость—двѣ опоры общественныхъ и государственныхъ движеній. За посѣвомъ слѣдуетъ жатва; сѣятели и жнецы не всегда состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, но награда и радость послѣднихъ неразрывно связана съ трудами первыхъ» (1).

(1) Blakey II, 414—414.